

Не нужно забывать, что мы имеем дело большей частью не только с переводными памятниками, но также памятниками, созданными вне Руси. Разумеется, каждый переводной памятник становится частью культуры той среды, которая его усвоила. Однако это бесспорное положение носит слишком общий характер, поэтому оно вряд ли может помочь установлению истоков русской книжной поэзии. В связи с этим сформулированные вопросы приобретают, как мне кажется, чрезвычайно важное значение. Решение их потребует много усилий. В предлагаемой работе можно лишь попытаться наметить приблизительные пути будущих исследований.

А. И. Соболевский, рассматривая тексты «Похвалы царю Симеону» и «Азбучной молитвы» Константина Преславского, заявлял: «Последние дошли до нас в русских списках конца XI—начала XIII веков, сделанных русскими писцами, не понимавшими, что они — переписывают стихи... (курсив мой, — А. П.)».¹⁷ То же самое утверждал Н. М. Каринский¹⁸ и др. Л. И. Тимофеев писал, что церковнославянские стихотворения были «лишь графическим подражанием внешнему виду стихотворных строк», что «они представляли собой уникальное явление», что в них «не было ни ритма, ни рифмы».¹⁹

Эти взгляды после работ Р. О. Якобсона, К. Хега, Э. Кошмидера и других исследователей следует, видимо, признать несостоятельными. Если говорить о графических особенностях русских списков церковнославянских стихотворений, то писцы достаточно последовательно выделяли не только отдельные стихи, но и цезуру. Конечно, тот факт, что в Святославовом сборнике 1073 г. стихотворный текст предстает перед нами в привычном графическом оформлении,²⁰ единичен (только здесь каждый стих начинается с новой строки и с большой буквы, причем важно, что в данном случае русский книжник имел дело не с «азбуковником», где стихотворные строки могут быть выделены из необходимости следовать каждой букве азбуки). Однако существовала заимствованная из византийской книжности система точек, которая обозначала ритмический рисунок текста, причем в основном эта система применялась правильно.²¹

Несомненно, что одно наличие системы пунктуации, имеющей целью подчеркнуть ритмический строй текста, — довольно слабый аргумент в пользу того, что русские писцы чувствовали поэтический характер текста: это могло быть слепым копированием южнославянских оригинальных рукописей. Поэтому необходимо обратиться к другому вопросу: в каком отношении стояла силлабическая церковнославянская система к просодическим свойствам русского языка?

¹⁷ А. И. Соболевский. Церковнославянские стихотворения конца IX—начала X века. Библиограф. СПб., 1892, стр. 4.

¹⁸ Н. М. Каринский. Византийское стихотворение Алфавитарь в русском списке XI в. — ИлоРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 266.

¹⁹ Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958, стр. 206.

²⁰ Это мимоходом отметил уже А. И. Соболевский (Церковнославянские стихотворения..., стр. 5), что, однако, не поколебало его безоговорочного недоверия к русским переписчикам.

²¹ Возьмем, например, «Азбучную молитву» Константина Преславского, которая читается в рукописи Московской синодальной библиотеки, № 262, XII—XIII вв. (снимок см.: Николай Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. СПб., 1904, стр. 104—105). После каждого стиха (стихотворной строки) ставятся четыре точки, расположенные крестообразно; после цезуры — просто точка на середине строки. Из общего числа в сорок стихов точка-цезура имеется в 27 стихах: 4, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 36, 37, 39, 40.